

Такая высокая похвала...

Удивленная словами Ломбарди, Ниан Сяому собиралась спросить его, что за человек Фан Юй. В тот же момент Юй Юехань, которого давно не было, наконец вернулся.

Он снял белую рубашку.

Его пиджак все еще был накинут на стул в ресторане. Теперь на нем была только тонкая черная рубашка.

От белого к черному.

Холодная и далекая аура на нем стала еще сильнее. Черный цвет сделал его более властным и соблазнительным.

Он быстро вернулся к обеденному столу и неторопливо сел.

“О чем ты говоришь?”

Он взглянул на Ниан Сяому, которая вела себя исключительно послушно. Задаваясь вопросом, что с ней, он заговорил первым.

Ниан Сяому думала, что он будет кипеть. Если он не побьет ее, то наверняка начнет с ней холодную войну.

Она не ожидала, что он заговорит с ней первым. Она быстро ответила: “Мы говорили о Фан Юй!”

Затем она спросила с любопытством: “мастер Хань, вы знаете Фан Юй?”

“А ты как думаешь?” Вместо того, чтобы ответить ей, Юй Юехань задал ей вопрос в ответ. Забрав у нее из рук газеты, он продолжал спрашивать: “он тебе нравится?”

“Конечно, нет! Я его даже не знаю. Почему мне должен нравиться незнакомец?” Ниан Сяому отрицала это без колебаний.

Услышав это, Юй Юехань поднял бровь. “Если вы его не знаете, он вам не понравится? Многие незнакомки называют меня своим муженьком.”

Ниан Сяому: “...”

Мастер Хань, если ваши фанатки узнают, какой вы самовлюбленный, они точно покинут ваш фан-клуб!

Юй Юехань положил газеты рядом с ним и собирался что-то сказать, когда официанты подали блюда, прерывая разговор.

После того, как блюда были доставлены, Ниан Сяому начала заниматься обслуживанием Ломбарди.

Ломбарди полностью наслаждался своей едой, радостно общаясь с Ниан Сяому.

Напротив, восторг Юй Юеханя от того, что кто-то заказал еду в соответствии с его предпочтениями, длился не более трех секунд. Он снова оказался проигнорированным...

Если бы он не понимал итальянского языка и не знал, что Ниан Сяому и Ломбарди обсуждают кухню, он бы, конечно, заподозрил, что она по-отечески влюблена в гораздо более старшего мужчину.

Обеденный стол был заполнен только голосами этих двух людей.

Внезапно Ломбарди поднял вопрос. “Я слышал, что мастер Хань проявляет самообладание и защищает себя от безнравственности. Вокруг тебя никогда не было женщин. Мне так любопытно узнать, как вы познакомились.”

“...”

В комнате повисла неловкая тишина.

Ниан Сяому не ожидала, что тема их разговора коснется Юй Юеханя. Не зная, как ответить Ломбарди, Ниан Сяому бросила осторожный взгляд на Юй Юеханя.

Ломбарди не понял, что что-то не так, и, закончив говорить, повернулся и улыбнулся Юй Юеханю.

Подняв чашку в руке, он воскликнул по-китайски: “давайте поднимем тост с чаем вместо вина. Пей до дна!”

Если не следить за сопровождающими его действиями, то понять его плохой китайский будет практически невозможно.

После того, как Юй Юехань вернул тост, Ломбарди продолжил говорить по-итальянски.

“Менеджер Ниан только что сказала мне, что в вашей стране принято заводить друзей за чаем. Теперь, когда мы пили чай, мы считаемся друзьями?”

“...”

“Ваш друг здесь действительно хочет знать, кто ухаживал за кем, и кто был тем, кто сделал признание в любви первым...?” Прежде чем Ломбарди смог закончить то, что он хотел сказать, огорченная Ниан Сяому уже подавилась своей едой!

Когда она громко кашлянула, она сильно похлопала себя по груди и поспешно потянулась, чтобы выпить чаю.

После предыдущего опыта обжигания языка горячим чаем, Ниан Сяому сделала небольшой глоток, чтобы убедиться, что чай был теплым, прежде чем проглотить всю чашку.

Как только она восстановила самообладание и собиралась поставить чашку, она услышала холодный голос, говорящий: “менеджер Ниан, чай, который вы только что выпили, был моим.”

Ниан Сяому: “...!!”